

В. Г. Белинский

**Сицкий (,) капитан
фрегата. Сочинения князя
Н. Мышицкого**

Виссарион Григорьевич Белинский Сицкий (,) капитан фрегата. Сочинения князя Н. Мышицкого

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828395*

Аннотация

«Новое произведение литературной школы, основанной Марлинским – не тем он будь помянут! Оно носит на себе все родовые признаки своего происхождения: его герои всё офицеры, да еще морские; место действия – фрегат; действующие лица ничего не делают, а только говорят, и в их пышных монологах слышатся слова, чуждые всякого значения и не совсем понятные, вследствие той растрепанности чувств, плодом которой они были...»

Содержание

Виссарион Григорьевич Белинский Сицкий (,) капитан фрегата. Сочинения князя Н. Мышицкого

СИЦКИЙ (,) КАПИТАН ФРЕГАТА. Сочинение князя Н. Мышицкого. Санкт-Петербург. 1840. В тип. императорской Академии наук. Три части. В 12-ю д. В I-й части 326; во II-й – 227; в III-й – 327 стр.

Новое произведение литературной школы, основанной Марлинским – не тем он будь помянут! Оно носит на себе все родовые признаки своего происхождения: его герои всё офицеры, да еще морские; место действия – *фрегат*;¹ действующие лица ничего не делают, а только говорят, и в их пышных монологах слышатся слова, чуждые всякого значения и не совсем понятные, вследствие той растрепанности чувств, плодом которой они были...

Николай Алексеевич Сицкий, капитан фрегата «Сме-

---

¹ Выделяя место действия курсивом, критик намекает на заглавие повести Марлинского «Фрегат „Надежда“».

лый», ждет к себе в гости (на фрегат) графиню Леонтину (отчества и фамилии не помним); ожидая ее, он, от нечего делать, думал так, по уверению автора, сев на диван и *облокотись локтем* (а не коленом) на кормовое окно каюты:

«Море! – море! тихо и светло смотришь ты! тихо и светло было до сей поры и в моей душе! Да! много я видел бурь на тебе: много раз обнаруживало ты себя во всем гневе и жестокости, встревоженное ветром; но я не понимал, я не мог предугадать, что ты так сходно с душою пылкой, встревоженной страстями, как ты – бурю! Неужели мне придется испытать то, чему до сей поры я не хотел верить? Но ужли это какое-нибудь новое, доселе мне неведомое чувство? – Я видел ее раз, – вот уже год тому назад, – вчерашняя была другая; почему же сегодня жду ее так нетерпеливо? Зачем она так смотрела на меня? для чего была так внимательна ко мне? – К чему так обольстительно ласкова, даже до какой-то короткости? – не понимаю!» (ч. 1, стр. 6–7).

Из этого монолога, слепленного из общих риторических мест плохих романов, явствует, что сей храбрый капитан уже с год влюблен в оную графиню Леонтину: зачем же так много слов? – спрашиваете вы. Но ведь Сицкий это не говорил, а думал: думать же позволяется всякому, сколько душе угодно.

Но вот капитану донесли, что катер с графинею приближается, – и капитан опять за монолог, тоже мысленный, но уже короткий, за недостатком времени: «Ты едешь, едешь (,)

непонятная для меня!.. Что это со мной?.. отчего это сердце так сильно бьется?..» Надобно вам сказать, что графиня готовится увидеться с Сицким всего-навсего в третий раз: по ее словам, он так ей понравился с первого (или, как пишет автор, с пер-ь-вого) раза, что, увидевшись с ним во второй раз, ровно через год, она тотчас приняла его приглашение на фрегат.

Когда графиня уехала, Сицкий, давший ей обещание непременно и во что бы то ни стало быть у ней завтра, опять *замонологил* (то есть залился перед самим собою риторическими фразами): это одно из лучших мест романа – судите сами:

Сицкий остался посреди каюты, в раздумье о самом себе и о прошлом дне. «Что со мною делается, сам не знаю!» – сказал он, намереваясь сесть в тот угол дивана, где сидела *виновница бури, происшедшей в душе, совершенно итилевавшей до встречи с нею* (хорошо!..) – На диване лежала чья-то забытая перчатка; Сицкий взял и старался узнать, кому принадлежит она; вспомнив же (,) что при отъезде дам перчатки были надеты на руках Марии и Софьи, он уверился, что оставленная должна принадлежать графине. Обрадованный находкою, он, с невыразимою радостью, прижал ее к пылающему лицу! «Это твоя, твоя – очаровательная Леонтина!.. – говорил он; – не нарочно ли ты оставила ее здесь, чтобы тверже я помнил данное тебе слово? О! во что бы то ни

стало, я непременно сдержу его! – Я буду, буду у тебя; буду тотчас, как только отворятся двери твоего дома; я буду завтра первый твой гость!» Наконец ему вздумалось надеть перчатку на свою руку! – *Можно ли* это? (автор хотел сказать – *возможно ли?*) рука графини и его слишком не равны, чтобы перчатка могла быть в пору ему. Примеривая и осматривая ее, он увидел внутри что-то написанное – взглянул, и слово: *люблю*, ясно начертанное, было пред глазами его. «Леонтина! Леонтина! – сказал задыхающийся; – что ты делаешь? (именно – что ты делаешь?..) *Люблю!*.. какое слово! – Ты любишь! – но верно ли? вечно ли (.) Леонтина? та ли это любовь, которая нужна душе Сицкого; не ваша ли это *столичная?* (какой злой *критикан* этот храбрый капитан!..) – слышал я, видал я эту любовь! Ежели та, – то она хуже ненависти! *Люблю!*.. нет, ты не так создана, чтобы могла любить коварно! Завтра (.) Леонтина, завтра я буду знать, как любишь ты, завтра *пойму* тебя!., (очень хорошо – чем скорей, тем лучше!..) Но чему же радуюсь я? (именно – *чему же?*) кто знает, по какому случаю написано слово это и к кому относится оно? легко быть может, что это одна только *случайность безнамеренная*» (ч. 1, стр. 34–35).

После сего, говорит автор, Сицким овладели *думы бурные и тяжелые*; воображение пылкого моряка разыгралось подобно волкану. Оно так и следует!

Однажды Сицкий сказал Леонтине наотрез, как следует отважному и решительному капитану:

– Будь моя, Леонтина.

– Глупец! Можно ли это? – Я твоя, Николай! – сказала она, обвив его рукою и смотря в глаза: – твоя столько, сколько можно! милый, успокой свою *бурную душу*, приди в себя! посмотри, как страдаю я с тобой, Николай, не убивай меня! ужели я два раза должна быть несчастною? с кем соединилась *по определению рока*, к тому холодна, как лед; кого люблю – тот гибнет! Боже милосердный, возьми ты меня! там я не буду служить на отравую жизни, ни ядом обольщения. – Слезы хлынули из глаз Леонтины.

Одеревенелый (не *деревянный* ли?..), забывшийся Сицкий молчал. Он потупил глаза, наморщил лоб; что-то неизъяснимо тяжелое изображалось на лице его.

– Николай! ты не слушаешь меня; ты не хочешь смотреть на женщину, тебя любящую; ты сердиться! умоляю тебя, опомнись!

Безмолвно Сицкий взял ее руку, *судорожно сжал*, и тяжелый, *волканический* вздох вырвался из стесненной груди.

– Сицкий! ты меня не слышишь!

Он оборотился к ней и смотрел, как на жертву, обреченную гибели, страшными, блуждающими глазами.

– Ты страшен, Николай! я боюсь тебя! Бога ради, не гляди так!

– Страшен! – повторил *беснующийся*. – Давно ли, Леонтина? скоро ты стала бояться меня, ужасная женщина! ты не любишь!

Скажите, бога самого ради, читатели, что это такое и есть ли в этом хоть что-нибудь похожее на дело? Из чего так рас- свирепел на графиню наш капитан и начал обращаться с нею, как с провинившимся матросом? ведь он того и смотри за- кричит: «линьков!...» Но посмотрим, что будет дальше. Леон- тина упала на стол, а Сицкий, сложа руки, начал смотреть на нее, «как смотрит злодей на погубленную, борющуюся со смертью», – и в то самое время, как вы ожидаете чего-то ре- шительного, в то самое время он сказал: «Леонтина!», а она ему отвечала: «Чего ты хочешь?» – «Успокойся, несчастная женщина! отвергни злодея, *мучащего* тебя! Я недостойн те- бя, *неземная!*» (стр. 148–150).

Таков-то весь этот роман, или по крайней мере такова-то вся первая часть этого романа, которую мы с величайшим трудом прочли, однако ж, внимательно от начала до конца, перелистовав две остальные. Кроме Сицкого – «сатаниче- ского» героя романа, тут есть еще второстепенные герои – лейтенант Марьянов и, кажется, мичман – Зорский; один из них любит Марию, а Мария любит его, а другой любит Со- фью, которая любит его. Это любовь самая голубиная: обе влюбленные пары только вздыхают, воркуют да краснеют! Впрочем, молодцы-то, по примеру своего начальника, метят в глубокие, как море, души, обуреваемые сильными, волка- ническими страстями; но это так, только невинная претен- зия: вместе с своим храбрым капитаном, они предобрые ре-

бьята, которые любят попить и поесть, почитать «Пчелки»² и «Библиотеки для чтения» и вслед за ними поострить, не слишком остро, конечно, но зато от полноты сердца, например, проигрывая в бильярд, вместо: «не удастся» или «не везет» сказать: «не везе на» и тому подобное... Но видите ли, все они, на свое горе, прочли «Лейтенанта Белозора» и особенно «Фрегат Надежду» Марлинского и с тех пор вообразили, что все морские офицеры должны быть души глубокие, которым Балтийского море – лужа, а сам океан – по колено, и что, не имея «дьявольски волканических страстей», нельзя и служить во флоте... Странное заблуждение!..

К замечательным особенностям нового романа, как и всех романов известного разряда, принадлежит то, что все действующие лица в нем – образы без лиц, ни даже тени чего-нибудь похожего на характеры; что все его события, или, лучше сказать, все в нем разговоры, вытекли из чувств, которые выросли не из почвы сердца, а на воздухе, или, что одно и то же, – в воображении; далее – хотя действия (то есть разговоры) происходят в России, между русскими людьми, однако женщины называют друг друга не по-французски, как это водится, например: Marie, Sophie, но по манере старинных сентиментальных романов: Мария, София, Леонтина и пр.; так же называют их в глаза и за глаза и молодые «волканические» люди, влюбленные в них. Много и других подобных этим особенностей, но всех не перечтешь.

---

² «Пчелка» – газета «Северная пчела».

Всего же лучше – разговоры графини с падчерицей и другою родственницею – молодыми девушками *хорошего тона*: послушайте, пожалуйста:

– Что, моя милая Леонтина, ты (,) кажется (,) не так весела едешь домой, как ехала на фрегат? Видно, тебя вело туда не одно любопытство; твой дикарь Сицкий оправдал себя, ты не обманулась в нем; – право, он прелюбезный.

– Не шути на мой счет, *Мария*; Сицкий был и есть для меня хороший знакомый; а видеть его или нет, мне все равно. Но у меня болит голова

– Болит голова! – сказала улыбаясь *Мария*; – не от внутреннего ли жара? – ох, этот черный водяной дикарь! Завтра я ему непременно выдеру уши, чтобы он в другой раз был осторожнее и не закрывал своей обольстительной души такой черной кожей.

– Выдери лучше кому-нибудь другому, когда увидишься опять, а не Сицкому.

Щеки *Марии* нарумянились, она опустила глаза и назвала графиню *злодейкою*.

– Как спросится, так и ответится (,) *Мария!* сама напросилась, – извини (стр. 29).

Каковы *графини*? А каков весь этот морской роман? По множеству морских терминов, он настоящий куперовский роман, а по достоинству поэтическому – он очень удачная штука на манер повестей Марлинского.